

Елена Степанян

ПАВЕЛ И ТЭКЛА

Елена Степанян
Павел и Тэкла

«Теревинф»

2015

УДК 821.161.1(081)Степанян Е.
ББК 84(2=411.2)6я44

Степанян Е. Г.

Павел и Тэкла / Е. Г. Степанян — «Теревинф», 2015

ISBN 978-5-4212-0384-1

В поэме рассказана история трагической любви апостола Павла и его ученицы Тэклы (в русской традиции – Феклы). Источником сюжета послужили апокрифические Деяния апостолов.

УДК 821.161.1(081)Степанян Е.

ББК 84(2=411.2)6я44

ISBN 978-5-4212-0384-1

© Степанян Е. Г., 2015

© Теревинф, 2015

Содержание

1. Pax Romana	6
I	6
II	9
III	11
2. Икония	12
I	12
II	13
III	16
IV	18
V	21
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Елена Грантовна Степанян
Павел и Тэкла
Поэма

© Е.Г. Степанян, 2015

© Оформление «Тервинф», 2015

1. Pax Romana

I

– Что это, Ангелы? Что за река?
– Это Рейн – сотоварищ потоков звездных.
Звезды двинули полчища
Римлян грозных,
И они прорубаются издалека
Сквозь леса,
Сквозь германцев свирепых рать,
Орошая кровью, своей и чужою,
Рейнские берега,
Чтобы им стать
Почвой новою,
Явью иною —
Рейн коронуется виноградной лозою.

Вот виноград обвивает Трир¹ —
Древнего духа Германца обитель.
Чуждый веселья скорбный воитель,
Силу он черпает только в сраженье.
Так пусть Дионисовой крови брожение
Хлынет теплом в его сумрачный мир!

Но ни вино,
Ни обманные ласки
Дионисийской дурманящей пляски
Долго его не удержат в плену.

Боги германские, скорбные боги,
К северным фьордам протопчут дороги.
Сердце холодное знает одну
Ненасыщаемую войну.

Станет Германец морским королем.
Духам, исполненным скорби и боли,
В битве над водною бездной раздолье.
Будут рубиться, страха не зная,
Кличет из битвы их бездна иная —
До разделенья пространств и времен.

Но звездам союзный Рейн-властелин

¹ Город Трир, основанный на месте древнего кельтско-германского святилища, в III–IV веках н. э. был одной из четырех столиц Римской империи.

В холодное море
Несет свои воды,
И голос его доходит до фьордов
И даже до царства плавучих льдин.

И он заставит вернуться назад
Неутолимо печальную душу
Бога-Германца, и он разрушит
Трир, облаченный в римскую тогу,
Трир, кадящий чужому богу,
И вытопчет его виноград.

Снова и снова
На суше и в море
Боги земные ведут свои споры.
Всем завладеть
Или все погубить —
А по-иному их спор не решить.

Но даже если удастся разрушить
Весь мир сотворенный —
Холодную душу
Согреть и утешить не сможешь опять,
И в бездне ты будешь
От боли кричать.

И пусть содрогнутся надзвездные башни
От этого крика,
Пусть Ангелам страшно
Покажется в их ослепительной доле:
– Пресветлые духи!
Отведайте боли!

– Свидетели звезды!
Свидетели море и Рейн!
Нас ваши мучения ранят
Больней и острей,
Чем пытки и казни,
Что нам уготовили вы —
Распятья, бичи и костры,
И львиные рвы.

Но Ангел, избывший страданье,
Вернется опять
И станет лучами
На куполе храма играть.
С улыбкой на фреске
Свой собственный образ найдет
И в хор славословящий

Голос негромкий волеет.

...

...

– Я вижу, я слышу,
Я все понимаю умом,
Но невыносимо
Остаться с тобою вдвоем.
Хоть дважды, хоть трижды,
Хоть тысячу раз
Отдай свою жизнь за меня —
Не станет холодное сердце
Частицей огня.

И молится Каин,
И лоб разбивает,
И пыльные плиты
Несчетно лобзает,

И бьет себя плетью,
И носит вериги,
И вызубрил насмерть
Священные книги.
Но ненависть к брату
Под пеплом таится,
И больше, чем смерти,
Любви он страшится.

II

Отродье волчицыно!
Что ты скулишь?
Весь мир тебе отдан в добычу —
И этого мало!
Да хоть бы и звездное царство
Ты завоевала,
Но голода, сердце сосущего,
Не утолишь!

Боишься ли смерти?
– Никто не боится ее.
Она бы казалась желанной,
Когда бы не зависть к живым.

И день ото дня наполняется Рим
Какими-то слухами, снами,
А сделки с чужими богами
Сулят, что мы сможем родиться опять,
Чтоб в новых рожденьях все наверстать
Смогли упустившие счастье свое.

– А если мы сыты богатством и славой,
Как кровью упившиеся удавы,
И счастья избыток
Валит из ноздрей?
И вечная молодость нас не прельщает,
И оргии таинств
Не обольщают,
И миф позабытый
В сознание всплывает:
Как с камнем в объятьях
В пучину морей
Бросался, постылый свой рай покидая,
Бессмертьем измученный Гиперборей.

Но Курций? Но Регул?
Жена Коллатина?
Чьи судьбы легли
В основание Рима!
Чему же они иступленно служили?
Тому ли, чтоб мы
Словно боги зажили,
А все их немеркнущие деянья
Спокойно бы предали осмеянию?...

Луcretия славы своей с собой не взяла,
Но чашей страдания
До самого дна насладились.

Зачем?
Неужели ей тайна открыта была,
Та, что от нас
Когда-то сокрылась?

Тайна незримого...

И если к ней не пробиться,
То и тысячу раз
Бесполезно родиться.

И вот это в нас плачет,
Это нас гложет,
И вечная смерть его не превозможет.
...

...Но вот уже солнце встает,
И пыль
Клубится над Аппиевой дорогой...
О Рим! Подожди еще немного!
Ты вечен, что тебе несколько дней!
Видишь Аппиеву дорогу?
И он уже идет по ней.
И цепи на его ногах звенят,
Как всех благовестов предвестье!
О Рим! Вы всегда теперь будете вместе,
И вас ни за что не разлучат
Ни зависть земных и подземных богов,
Ни лукавство неистребимое

Твоей грешной души.
И он на встречу с тобой спешит
И не чувствует тяжести
Своих оков.

III

Звезды птицам диктуют путь.
Птицы летят,
Повинуясь своей судьбе.
О Рим! Скажи, был ли кто-нибудь
Из царств земных подобен тебе?

Лишь тебе одному Создатель открыл
Тайну полета крылатых станиц.
И авгуры твои простирались ниц,
Прочитав откровенья летящих крыл.

И не сама железная воля твоя
Предначертала твой необъятный рост,
А Воля, которой покорна сама Земля, —
Наипервейшая из небесных звезд.

И плывущий в бездне
Звездный поток
Перекликается с руслами
Наших рек,
И звезды вглядываются в лица дорог,
Что проложил по земле человек.

Потому что дороги эти —
Место встреч,
Ради которых был мир сотворен.
Вспыхивают звезды двойным огнем.
Делается прерывистой
Звездная речь.

2. Икония

I

Жена да повинуется мужу во всем,
Каждое его желанье – жене закон.
Муж лучше жены
Все видит и знает.
Он ей глава, пусть его почитает.
Так апостол сказал,
Так тому и быть.
А жену должен муж, как себя, любить.

Вот и полюбил он тебя не шутя,
Бедное,
Неразумное,
Дивное дитя.

II

Втайне всегда он собою гордился.
Что тут поделать? Таким уж родился!
Всех и умней, и сильней, и ловчей,
Знает прекрасно, любимец он чей.

Боже Израилев, мир сотворивший,
Нас, Твоих первенцев,
Благословивший,
Давший нам право
Отцом Тебя звать —
Господи! Ты и отец нам, и мать.

Отче! Но ведь и язычники эти —
Тоже Твои,
А не чьи-нибудь дети.
Разве душа моя может смириться
С адом, который в их душах творится?

Если мы были едины в Адаме,
Значит, все это творится и с нами.

Те же глаза, что на небо и солнце взирают,
С жадностью смотрят,
Как звери людей пожирают.
Боже великий!
Пошли же Мессию скорей —
Дети Твои
Превращаются в хищных зверей!
...

Мальчик из Тарса!
Создатель твой
Не лучше ли всех тебя знает?
Страстное сердце твое
Не жарче ли солнца пылает?

И ты никогда —
Ни на час, ни на миг —
Себе не выпрашивал рая.
И ты все бы отдал,
Чтоб научить других
Блаженству гореть, не сгорая.
...

— Руками бы весь этот мир обхватить,

И с ним —
В долгожданное Царство Божье!
А что тут такого?
Ведь Господь Всемогуш,
Он может все.
И Мессия сможет.
...

– Но я же великий грешник
И, что еще хуже, – глупец!
Всевышнему вознамерился
Давать советы!
Но Ты, Отче,
Моему безумью положил конец.
Прежде, чем я сам
Догадался об этом.

Если Мессия пришел,
Был распят
И воскрес —
Значит, больше нечего
В этом мире страшиться.
Это выше чуда,
Выше всех чудес —
Это залог того,
Что и самый лютый грех простится.

Он воскрес —
Какое счастье!
Значит, и грехи,
И страдания
Могут превратиться в радость,
Превратиться в ликование.

Вот, я готов! Я обойду весь мир,
Эту истину великую возвещая.
Невозможно?
Возможно все, чего хочет Бог.
Мы же сами чудо!
Смотрите – ничтожной глины комок
Необъятную душу вмещает.
...

– Саул! Тебя не простит Синедрион.

– Главное для него,
Чтобы он сам был прощен.

– Братья тебя проклянут!

– Мне теперь Ангелы братья.
Но если по-честному,
Плевать мне на эти проклятья.

– Станешь нищим, бездомным,
Без семьи, без детей...

– Такова Божья воля.
Да и вообще ужасно
Быть излишне счастливым,
Когда все так несчастны.

Впрочем, царство Мессии
Не за горами.
Он придет опять,
Не будет ни бедняков, ни богачей.
Господь отрет слезы со всех очей.
Ждать не так уж долго, увидите сами.

(– Кажется, я опять за свое.
Мне, наверно, вовек
Не научиться терпению.
Но ведь у Господа тысяча лет —
Как один день,
И вечность перед Ним —
Как одно мгновенье.)

III

Икония Ликаонийская. Проповедь апостола Павла

О, как они счастливы!
Пока он с ними —
Они горят,
И кажется,
Что их вера неколебима.
А что будет,
Когда он от них уйдет?
Жизнь каждодневная
Неужели их засосет?
Но семя сеется...
И когда-нибудь даст всход...
— Господь на страже.
Ни одно мое слово не пропадет.

Город Икония! Будь благословен!
Облака над тобой —
Позлащенные розы.
И запах роз наполняет двор
Твоего дома, Онисифор.
Благословен ты,
И семья твоя,
И весь дом твой,
И все, кого этот двор вместил,
И те, кто снаружи — толпой,
И над цветами
Голубые стрекозы.

О, как он счастлив!
Дыханье любви,
Неслыханной, небывалой,
Его охватило.
И за спиной его трепещут крылья.

— Ни одно мое слово
Не пропадет напрасно...
Я слышу отзвук,
Глубокий и ясный.
И эта девушка, как она слушает!
И как она прекрасна!
Она притягивает, а ведь чиста как дитя.
О Небо!
Но в ней же Самсонова сила!

IV

Цестилий, прокуратор Иконии

– Икония – город невежд и ослов.
В театре не бывает представлений,
Одни только казни.
Здесь не с кем сказать и двух слов.
Даже у лесных варваров
Жизнь разнообразней.

Книг не читают, даже в руки не берут.
Докатились. Наследники Эсхила.
Нет, это не только у них,
Повсюду жизнь прогнила.
Прорицатели правы,
Нас великие ужасы ждут.

Так! Кажется, уже начались,
И прямо под моим окном.
Ломится орущая толпа
К римскому прокуратору в дом.

– Игемон! Там внизу Фамир
И с ним чуть не сотня оборванцев.
Требуют немедленно казнить
Какого-то чужестранца.

– О боги! Я собирался
Пораньше лечь спать.
Ночью, что ли, я должен
Этого бродягу искать?

– Его не надо искать, он тут.
Он связан,
И стражники его стерегут.

(– Да что стряслось?
С чего это Фамир в таком раже?
Купил и эту чернь, и городскую стражу!
Он, конечно, первый в Иконии богатей,
Но никогда не опускался до подобных затей.
Ой, я так хотел спать.
А вот назло не пойду
У тебя, скотина, на поводу.)

– Хорошо, пусть он войдет.
Будь счастлив, Фамир!

– И ты будь счастлив, Цестилий!

– Мир тебе, мир.
Скажи, Фамир, какая беда
В столь поздний час
Привела тебя сюда?

– Игемон, его надо казнить!
Он колдун!
Он на весь наш город
Наведет беду!

– А как стало известно
О его злых делах?
Я хочу знать,
Оправдан ли твой страх?

– Ну хорошо. У меня есть невеста.
Тэкла, дочь Тэоклеи.

– Мне эта матрона известна.

– Так вот, она понаслушалась
Всякого вздора,
Что несет этот Павел,
Засевший у Онисифора,
И заявила, что она мне больше не невеста,
И хочет до конца дней
Сохранить свое девство.

(– Позор! И он сюда пришел
Позором своим похваться.
Да сделай ты вид, что сам
Решил от нее отказаться.)

– Фамир! Я не вмешиваюсь в семейные дела.
А вдруг эта девица
С ума сошла?
А может, она тебя приревновала?
Ведь ты у нас Антиной,
Красавец, каких мало.

– Ты ошибаешься, игемон!
Это все из-за этого Павла.
Все дело в нем.
И у меня есть свидетели,

Что в любую минуту
Он может учинить в нашем городе
Всеобщую смуту.

(– Еще бы, животное,
У тебя хватит денег
Найти свидетелей,
Что я сам изменник.
И в Рим сообщить!)

– Фамир, послушай!
У прокуратора всюду
Глаза и уши.
Человек этот безобидный,
Он рассказывает басни,
Что жизнь прекрасна,
А после смерти еще прекрасней.
Ну хочется людям
Порассуждать, помечтать.
Ну скучно им, понимаешь,
Только есть и спать.

– Ты что же? Намерен его отпустить?

– Закон превыше всего.
Мы обязаны допросить
И Онисифора, и матушку,
И прежде всего – девицу.
Я прикажу им всем
Завтра сюда явиться.

– Да за ночь этот разбойник успеет сбежать.

– Его запрут
И будут в оковах держать.
Доброй ночи, Фамир!
Ты любимец судьбы,
Но по ночам отдыхают
И последние рабы.

V

Павел в заключении

– Девочка-девочка,
Они же тебя бросят львам!
Господи! Ты смилуешься над нами!
Господи! Ты поможешь нам!

Что там за шум? Так, она уже здесь.
И стражники набивают цену.
А как же из дому смогла уйти?²
Тем же путем?
Или перелезла через стену?
Хоть смейся!
Ведь то же самое сделал бы и я.
Не зря же сказано:
«Плоть моя и кость моя».
...

– Прости меня, прости!
Ты из-за Тэклы попал в беду!

– Обо мне не тревожься, дитя,
Я завтра же отсюда уйду.
Меня и раньше бы отпустили,
Но Господь даровал нам этот миг.
Будь благословен, Цестилий.

– Вот я принесла хлеб и виноград.

– Да, мое дитя.
Но ты скорей возвращайся назад.
Мы непременно увидимся опять.
А до той поры
Ты меня будешь ждать.
Я тебя всегда услышу
И всюду найду.
Уходи, Тэкла, а то в худшую попадешь беду.

– Я на все готова и все стерплю.
Главное, что я тебе сказала,
Как я тебя люблю.

² Согласно Житию, святая равноапостольная первомученица Тэкла подкупила привратника родительского дома золотыми запястьями, а темничных стражников – зеркальцем в драгоценной оправе.

– Уходи, Тэкла, уходи скорее!

– Поздно! Это голос
Моей матери Тэоклеи.

...

– Матереубийца! Этого стыда
Я не прощу тебе никогда.
О боги! боги!
Стражник! Сколько с нее ты взял?

– Я не помню.

– Возьми еще! И еще!
Только б никто не узнал!

...

– Бесстыдница!
Я бы убила тебя сама!
Но все поймут, за что.
О, я схожу с ума.

– Нет на мне никакой вины!

– Молчи, тварь! Мне лучше знать!
И запомни, я тебе больше не мать.
Нам обеим конец.
Я добьюсь, что тебя сожгут.
А потом я руки на себя наложу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.